Автор: Administrator
06.06.2011 16:08

Почти год назад 45-летний водитель «скорой помощи» Павел Зайка крепко выпил. Повод уважительный — у друга родился сын. Около двух часов ночи Зайка поймал бомбилу и поехал в родное Перово. В районе Кутузовского проспекта выяснилось, что денег на проезд у Зайки нет. Водитель Улугбек приказал ему выметаться, тот отказался, да еще Улугбек разбил Зайке нос, а Зайка Улугбеку — стекла в машине. В состоянии острой личной неприязни обоих доставили в ОВД «Дорогомилово» и бросили в один «обезьянник». Вроде бы обыкновенная драка с причинением имущественного ущерба. По идее, такие дела решаются в досудебном порядке. Протрезвевший хулиган оплачивает ремонт, и дело закрывают за примирением сторон. Зайка с Улугбеком договорился об этом еще в «обезьяннике», где они провели целые сутки. Но оказалось, что поздно. Зайка уже попал в дантовский ад под названием «российская правоохранительная система», и ворота с надписью «Оставь надежду, всяк сюда входящий» с лязгом захлопнулись за его спиной.

Милиция

Для начала Зайку в милиции избили. На ремне у него обнаружили швейцарский перочинный нож. В головах стражей порядка немедленно созрел гениальный план. Припугнув Улугбека, они заставили его под диктовку дать показания о том, что Зайка, угрожая ножом, попытался завладеть его мобильным телефоном Nokia. Следователь Волошин составил протокол. Глубокой ночью Зайке предложили сделать звонок другу. Он позвонил Дмитрию Жеглову и, обрисовав ситуацию, сообщил, что за 100 тысяч рублей ему предлагают дело замять. Об этом Жеглов рассказывал потом на суде. Гениальность плана заключалась в том, что в любом случае милиционеры были бы в выигрыше. Привезут деньги — набьют карманы. Не привезут — улучшат показатели. Ведь статья 162 — разбой, если вкратце, — это хорошая серьезная «палка» (отправленный наверх отчет по раскрытому преступлению). За такое выносят благодарности и выплачивают премии. Когда выяснилось, что друзья и родственники Зайки 100 тысяч рублей за ночь собрать не могут, никто, думаю, особо не расстроился. В то же утро следователь Волошин отправился к судье санкционировать арест опасного преступника. В протоколе было множество противоречивых моментов. Например, согласно показаниям потерпевшего, Зайка одной рукой вытащил нож и принялся угрожать им, а другой — схватил телефон. Я не представляю, как можно одной рукой вытащить лезвие из швейцарского ножа, если только ты не Дэвид Блэйн. При этом телефон самого Зайки, обнаруженный при обыске, стоил около 10 тысяч рублей, а телефон Улугбека, на который покусился обвиняемый, давно просился на помойку. Показания сотрудников ППС, осуществлявших задержание, были написаны будто под копирку, причем у одного из мужчин — от женского лица (среди трех пэпээсников действительно была одна женщина, и именно ее слова были скопированы в показания остальных). С подписями понятых — тоже полнейшая путаница, какие-то из них

отсутствовали, какие-то были поддельными. То, что все эти моменты не смутили милиционеров, понятно. Это же их креатив. Странно, что вся эта нелепица не смутила судью. Так же как не смутила вполне добропорядочная личность Зайки — москвич, семьянин, несудимый, в прошлом водитель вневедомственной охраны, то есть сотрудник органов. И сломанный в драке нос Зайки, о чем есть медицинская справка, тоже не навел судью на мысли. Судья подмахнул санкцию на арест.

По словам юристов, арест — это без пяти минут обвинительный приговор. Тут такая цепочка: если «вышли с арестом», то есть принесли в суд ходатайство о заключении под стражу, то в 90 процентах случаев оно будет удовлетворено. Потому что отказ в аресте — это ЧП, проверки, вызовы на ковер и т.д. Оправдательный приговор после ареста — еще более страшное ЧП, ведь получается, что суд ошибся и неправомерно лишил подсудимого свободы. А это уже скандал. Подсудимый потребует выплаты компенсации, а оно кому-то надо? Именно поэтому российская правоохранительная система — это дантовский ад.

В тот же день Дмитрию Жеглову снова позвонили. На этот раз с ним разговаривал бесплатный адвокат Зайки, предоставленный государством. Он попросил привезти арестованному новые вещи — старые были все в крови. Уже на пороге ОВД так называемый адвокат сказал, что шанс отмазать Зайку еще есть. Только теперь это будет стоить 115 тысяч евро. Ну, сами понимаете, список заинтересованных лиц после ареста существенно расширился. Комната в коммуналке, в которой проживает Зайка с женой и сыном, стоит меньше. В общем, закрыли Зайку, и, казалось, надолго. По статье светило до десяти лет.

Следствие

И все, по идее, должно было пройти как по маслу. Ну кто этот Зайка? Какой-то несчастный бюджетный водила. У такого ни покровителей, ни связей. Но тут нашла коса на камень. Во-первых, оказалось, что жена Зайки Алина — повышенной боеспособности. Еще и юрист по образованию. Во-вторых, каким-то чудом о процессе узнала популярная телевизионная программа и отправила туда своего корреспондента. В-третьих, и это, наверное, самое неприятное и непонятное для слуг закона, — у пострадавшего Улугбека обнаружилась совесть. Ну кто мог ожидать подобной подставы от водителя раздолбанного «шахид-такси», узбека с просроченной регистрацией? Такие обычно долго и горячо благодарят Аллаха только за то, что вышли живыми из отделения милиции. Но правоверный Улугбек походил на свободе, походил, и так вдруг тошно ему стало, что он решил во всем признаться. Позвонил следователю и сообщил, что хочет изменить показания. Якобы прежние он дал под давлением милиции. Следователя Волошина к этому времени поменяли на нежную девушку Викторию Степаненко. Она вежливо выслушала Улугбека, а через некоторое время ему почему-то позвонил прежний следователь и сказал, что, если он не хочет сесть за дачу ложных показаний, лучше бы ему сидеть тихо и не высовываться. Но Улугбек не успокоился. Он обратился в посольство Узбекистана, там ему выделили адвоката. С ним он пошел к следователю и дал новые показания. В них Улугбек признался, что первое заявление написал под диктовку и у него больше нет претензий к обвиняемому. Он также написал, что никакого ножа не было и Зайка не отнимал у него телефон, а лишь схватил и швырнул его на сиденье машины. Это написано рукой Улугбека в присутствии адвоката и следователя. В протоколе допроса, который заполняла следователь, оказалась уже другая фраза: «На панели автомобиля находился телефон “Нокиа”, который Зайка взял, но я выхватил его и бросил на заднее сиденье». Улугбек, посредственно владеющий русским языком, подписал протокол. Роковым стало слово «выхватил» — судья Вера Белкина, которой было поручено вести процесс, решила, что этого достаточно для обвинительного приговора.

После этого признания Улугбек счел благоразумным скрыться из Москвы. Летом он написал третьи показания, где снова подтвердил, что грабежа не было и он оговорил обвиняемого. Поскольку являться лично в суд он побоялся, эти нотариально заверенные показания судья сочла «добытыми не процессуальным путем и доказательством не являющимися».

Сегодня Улугбек работает в пекарне на окраине Москвы. На встречу со мной приезжает по первому зову и сразу начинает горячо говорить: «Мы с Пашей еще в “обезьяннике” помирились. Он, как протрезвел, хорошим мужиком оказался. Извинился, сказал, что все оплатит. Но тут на меня менты насели, ну и написал я про нож».

Улугбек рассказывает, что в декабре в общаге, где живет, встретил очень верующего парня. Бросил пить, курить, начал вставать по утрам, делать намаз. Парень дал ему почитать книгу хадисов имама аль-Бухари. «Я открываю ее и вижу: “Ложное свидетельство есть страшнейший грех”. Тут у меня перед глазами сразу — Паша. Если раньше боялся, то сейчас готов поменяться с ним местами, чтобы смыть грех. Надо — пойду в прокуратуру, милицию; расскажу, как все было. Пусть судят за ложные показания».

Процесс

У судей есть такое выражение: увидеть перспективу судебного дела. Думаю, судья Белкина немало удивилась, узрев на еще недавно безоблачном горизонте стремительную фигуру корреспондента Олега Ясакова из скандально известной телепрограммы. Если на первое заседание съемочную группу по недосмотру пустили, то ко второму в суде уже подготовились. Процесс должен был начаться в час дня, журналисты приехали вовремя и обнаружили, как из зала суда суетливо убегают свидетели обвинения — работники ППС. Якобы их срочно вызвали на работу. Суд откладывался до семи вечера. Потом к журналистам вышла пресс-секретарь Дорогомиловского суда и попросила их покинуть здание. Приставы помогли побыстрее

выполнить ее просьбу. Едва журналисты уехали, появились свидетели-пэпээсники, и заседание суда открылось. Съемочную группу так больше и не пустили ни на одно заседание. Как только появлялась камера, суд тут же переносили на другой день — без объяснения причин. И так семь раз. Аккредитованных журналистов не пускали даже в здание суда, при том что процесс был открытым. Корреспондент Олег Ясаков звонил пресс-секретарю, та говорила: «А у нас уже есть тут одна съемочная группа — “Дежурная часть” канала “Россия”». Ясаков возражал: «Но мы же аккредитованы!» Девушка отвечала: «У нас мест больше нет. А если вам что-то не нравится — подавайте в суд, ха-ха!»

Алина, жена Павла Зайки, в правосудие больше не верит: «Это мясорубка, а не правосудие. До начала суда я верила, что разберутся. Но когда начались эти переносы заседаний, я все поняла. Если бы у них все было по закону, разве они стали бы прятаться?!»

В суде искренне не могли понять, почему телевизионщики лезут на рожон. Пресс-секретарь Мосгорсуда Анна Усачева предлагала бартер корреспонденту Ясакову: «Слушайте, чего вам дался этот Зайка? Это же алкоголик, асоциальный тип. Давайте я вам лучше эксклюзивы на процессы со звездами давать буду!»

В то, что журналисты хотели добиться элементарной справедливости в случае с маленьким человеком по фамилии Зайка, в Мосгорсуде никто, кажется, так и не поверил. Видимо, это противоречит логике всей системы. Ясакову намекали на то, что за Зайкой и его женой Алиной стоят некие мафиозные структуры, раздувающие шум, а мне пресс-секретарь Усачева сказала: «Вы знаете, что Алина работала на том же телеканале,

что и Ясаков? Не знаете? А вот у меня есть такая информация». Ну, в этих категориях, видимо, привычнее и удобнее думать: заказ, блат, корпоративные интересы. Разумеется, ни на каком телеканале Алина никогда не работала.

«Эти люди не в состоянии понять, что мне никто не заносил бабла, — в дни суда написал в своем блоге журналист Ясаков. — Они-то уверены, что вместо стошки тысяч евро им близкие обвиняемого занесли нам, а значит, я — просто их более удачливый конкурент. О том, что кому-то можно просто посочувствовать, они давно уже забыли».

Первое, что я услышал от пресс-секретаря Усачевой, договариваясь с ней по телефону об интервью, — это та самая фраза: «И чего дался вам этот Зайка? У нас вон по делу об убийстве губернатора Цветкова на днях приговор вынесли».

И тут, видимо, требуется пояснение, чего он нам всем действительно дался.

Во-первых, жалко. Мы, журналисты, в отличие от законников почему-то еще вздрагиваем каждый раз, сталкиваясь с вопиющей несправедливостью. Когда я спросил судью Белкину: «А вам Зайку не жалко?» — за нее ответила пресс-секретарь Дорогомиловского суда, та самая девушка, что воевала с телевизионщиками: «Всех жалеть — быстрей стареть». Ну, в чем-то она, наверное, права. По крайней мере, выглядит девушка действительно молодо.

Во-вторых, страшно. Как правильно заметил Олег Ясаков: «Я тоже езжу иногда пьяный на частниках». И то, что любой бытовой конфликт с появлением милиции может закончиться этапом, не может не пугать. В-третьих, в этом частном случае вся многоголовая гидра российского правосудия предстает во всей своей красе.

В сентябре в скандальной программе вышел сюжет, из которого попросили вырезать «негатив про милицию» — чтобы не создавалось ощущение, что у нас все совсем плохо, — но оставили правду про суд. По окончании сюжета ведущий заявил, что обязательно последует продолжение истории, и закончил так: «Посмотрим теперь, кто сядет: судья Белкина или водитель Зайка?»

По сути, журналисты влиятельнейшего федерального канала объявили войну Мосгорсуду. Телевизионщики полагали, что можно и нужно бороться с частными проявлениями несправедливости внутри системы. Ведь принцип «кто-то кое-где у нас порой» не отменяли даже в советские времена.

После выхода сюжета случилось странное происшествие. Прямо у здания суда судью Белкину остановили какие-то молодчики на машине и сказали: «Если не отпустишь Зайку, мы тебе голову прошибем — до дома не дойдешь». Во всяком случае, так рассказывает пресс-секретарь Мосгорсуда Усачева.

— Понимаете, она правоприменитель, — говорит со скрытой обидой в голосе пресс-секретарь. — У нас правовое государство, и защищать себя надо путем грамотно составленных ходатайств, а не с помощью угроз и давления.

— Ну не журналисты же угрожали?

— Этого мы не знаем. Но случилось это сразу после эфира. Совпадение? Может быть. А может быть, и нет.

Когда я спрашиваю, нашли ли негодяев, выясняется, что Усачева ничего об этом не знает. Через несколько дней я прошу рассказать об угрозах судью Белкину, но она с ходу выдает будто бы заранее заготовленную фразу: «Я не могу ответить на ваш вопрос, служба госзащиты рекомендовала не давать никаких пояснений, пока ведутся оперативно-розыскные мероприятия».

Мероприятия ведутся уже полгода, а подонков, засветившихся на машине перед зданием суда, до сих пор не поймали. Их и не поймают, потому что, рискну предположить, их вообще не было. Просто Мосгорсуд во главе со всемогущей Ольгой Егоровой решил проучить зарвавшихся журналистов. То, что в этой разборке походя сломали чью-то жизнь, «самый гуманный суд в мире» волнует мало. Косвенным подтверждением «разборочной» версии является история, рассказанная адвокатом Зайки Евгением Харламовым. После выхода сюжета судья Белкина вызвала его на разговор, сообщив, что вышестоящие инстанции ее неправильно поймут, если приговор будет не обвинительным. Позицию «вышестоящей инстанции» судья объяснила так: если после поднятого шума взять и оправдать Зайку, получится, что суд поддался давлению каких-то блогеров и журналистов, а этого допускать нельзя.

Борьбу с Мосгорсудом телевизионщики с треском проиграли. Накануне приговора должен был выйти второй сюжет про несчастного Зайку. В день эфира позвонили откуда-то с самого-самого верха и сказали, что сюжета не будет. Говорят, в таком бессильном отчаянии ведущего еще никогда не видели. Унизили всех — и прежде всего профессию. Когда я спросил Усачеву, слышала ли она о том, что второй сюжет сняли с эфира, она притворно удивилась: «Да что вы говорите?!» Сдерживать торжествующую улыбку при этом пресс-секретарь не стала: «Откуда же мне знать? На планерки я к ним не хожу. Это независимый телеканал, который всегда отличала свобода мнений». Жена Зайки Алина утверждает,что бартер все-таки состоялся: якобы в обмен на лояльность Мосгорсуд предложил не принимать к рассмотрению многомиллионный иск Батуриной к каналу. «Представляете", - говорит она не без восхищения, - "моего Пашу аж на Батурину сменяли!». Но это уже частности. Важно другое. Выходит, что действительно правды искать негде. Алина до последнего верила в силу телевидения: «У нас родня в Питере, в Твери, все до сих пор ждут сюжета и не понимают: а почему продолжение-то обещанное не выходит? Все так поверили в эту программу. Думали, хоть телевидение у нас простого человека защищает».

Приговор

Приговор вынесли, как и было обещано, обвинительный, но по более мягкой статье. Бредни следствия про нож выкинули. Грабеж заменили на «попытку грабежа» и осудили Зайку на год. Уникальный случай: оба адвоката — и обвиняемого, и потерпевшего — были против обвинительного приговора. Когда телевизионщики показали материалы дела члену Общественной палаты адвокату Кучерене, тот всплеснул руками: «Это полное безобразие. Тут подлог на подлоге. В таком виде дело просто обязано было развалиться». Кучерена поначалу был полон решимости помочь, но после запрета телесюжета, в котором адвокат также принимал участие, к делу резко охладел и на звонки Алины теперь не отвечает.

В романе «Процесс» Кафки скромного банковского служащего Йозефа К. судят за неизвестную ему провинность. Выясняется, что причина не важна, главное — он стал участником процесса, а значит, наказание неотвратимо. В церкви он встречает тюремного священника, которому сетует на то, что не способен принимать ложь за правду, даже если она исходит от представителей закона:

«— Нет, — сказал священник, — вовсе не надо все принимать за правду, надо только осознать необходимость всего.

— Печальный вывод! — сказал К. — Ложь возводится в систему».

Я спрашиваю Алину, которая так и не смогла «осознать необходимость всего»: может, не стоило поднимать шум? Тогда и Мосгорсуд не стал бы так упрямиться? «Ну что вы, — возражает Алина, — если бы я не перла как танк, а телевизионщики мне не помогали, загремел бы мой Паша на все семь лет, как этого и добивалось следствие».

Адвокат Зайки подал кассационную жалобу, в которой подробно перечислил многочисленные нарушения и противоречия, сделанные во время следствия и оставленные без внимания судом. Суд по кассационной жалобе длился ровно пять минут. Судьи удалились в совещательную комнату и тут же оттуда вышли. Приговор

оставили в силе.

За все время заключения Алине разрешили только одно десятиминутное свидание с мужем. В декабре у него обнаружили доброкачественную опухоль, отправили в лазарет, после чего он вообще пропал. Два месяца Алина не могла добиться от ФСИН, куда этапировали ее мужа. При том что по закону исправительные учреждения обязаны самостоятельно информировать ближайших родственников обо всех передвижениях заключенных. Наконец удалось выяснить, что он в Нижнем Новгороде, но где именно, не сообщили. Алина попыталась выяснить это по телефону, обзвонила все тюрьмы и почти везде слышала ответ: тут вам не справочное бюро. Наконец друг семьи со связями в органах неделю назад специально отправился в Нижний, отыскал Зайку и добился с ним короткого свидания. «Паша очень похудел и стал совсем седой», — все, что он смог рассказать Алине. Это к вопросу о том, как функционирует еще одна голова гидры российского правосудия, — пенитенциарная система. Судя по всему, в лучших традициях Гулага.

Когда приговор по кассационной жалобе Зайки оставили в силе, его жена Алина спросила адвоката: «Ну что, теперь можно подавать в Страсбургский суд? — И ужасно расстроилась, когда узнала, что нужно пройти еще две российские инстанции. — Я никому здесь больше не верю», — выносит она свой приговор системе и ее винтикам.

Вызволять Зайку из тюрьмы уже нет никакого смысла. Через месяц его и так должны выпустить. Но вопросы остались. Самый важный: почему наше правосудие, несмотря на регулярные заклинания президента Медведева о гуманизации судопроизводства, продолжает оставаться таким бессмысленно жестоким?

Меликов

Бывший судья Александр Меликов когда-то работал в том самом Дорогомиловском суде. Он — диссидент от судебной системы. Бунтовал против «обвинительного уклона» Мосгорсуда, в результате был уволен с формулировкой: «за излишнюю мягкость». Картину, которую он рисует, описывая состояние дел в судопроизводстве, можно назвать кратко: страшный суд. Одна из главных проблем, считает Меликов, — священный ужас системы перед оправдательными приговорами.

Он говорит: «Показатель эффективности работы судьи — количество отмененных высшими инстанциями приговоров. У меня были хорошие показатели: из 90 процентов обвинительных приговоров менее одного процента отмен. А вот из 10 процентов оправдательных приговоров отменяют как минимум половину. Отмененный приговор — это ЧП с разборами полетов. В этой ситуации всегда надежнее занять сторону прокуратуры — обвинительные приговоры почти не отменяют».

Самое печальное: вседозволенность совершенно деморализует следствие. Зачем стараться добывать доказательства, если и так проканает. Меликов приводит жуткие примеры того, как в уже знакомом нам ОВД «Дорогомилово» фабрикуются дела, чтобы «срубить палку» или отработать заказ. Поразительно, что все это мало смущает судей, направо и налево раздающих ордера на аресты.

«Большинство судей сегодня — женщины. Они страшно дорожат своим высоким статусом. У всех семья, дети. Больше всего на свете они боятся оказаться на улице и не найти себе применения. Я им говорю: ну вот посмотрите, живу же на вольных хлебах! Они отвечают: ну ты же мужчина, тебе проще, а нам куда! Люди просто думают только о себе: хорошая зарплата, пенсия, соцпакет, статус. Ну и возможность хапнуть, разумеется. И что же, подвергать это все риску ради какого-то Зайки? Помилуйте! Ради таких благ можно и мальчиков кровавых в глазах потерпеть».

Суд, по словам Меликова, не становится мягче. По-прежнему активно арестовывают по экономическим статьям, несмотря на известную поправку; отказывают в закрытии дел по примирению сторон, хотя закон допускает подобную практику по преступлениям небольшой и средней тяжести. В качестве возражения приводят железобетонный аргумент: «А кто сидеть тогда будет?»

Меликов: «Это обвинительный уклон в голове. Я им говорил, ссылаясь на УПК, Конституцию: у нас суд не является стороной обвинения, это механизм для предоставления сторонам необходимых условий для состязаний. Но для Егоровой (главы Мосгорсуда. — OS) суд — это механизм по назначению меры наказания. Психология такая: органам виднее, невиновных в судах не бывает, или, помните, как Жеглов говорил: “Нет без вины виноватых, надо было с женщинами своими разобраться да пистолетиками не разбрасываться”».

В Конституции записано, что судьи подчиняются только закону. Меликов утверждает, что совершенно независимых судей в московских судах не осталось. Так или иначе,

приходится идти на сделки с совестью, ну и понимать, что в любой момент тебе могут позвонить сверху и сказать, как надо решить дело. Людей с принципами оттуда давно уже выдавили: «Когда меня травили, я думал, это вот конкретный случай, неприязненные отношения с председателем сложились. Мне когда представление об увольнении вручили, я даже обрадовался, такой бред там был написан. Думаю, сейчас в высших инстанциях разобью с фактами на руках. Никто слушать даже не стал, и так вплоть до Верховного, до Лебедева. Вся система больна. В Верховном суде мне говорят после заседания: “Всё понимаем, но сделать ничего не можем. Не повезло вам”. Я им: “Слушайте, я ж не в лотерею играл. Двадцать лет служил стране, а меня с белым билетом выкидывают”. Они говорят: “Но вы ж понимали, на что идете!” — “Ну да, понимал, — говорю, — но я справедливости искал. Я же судья...”».

Замок

Больше всего в разговоре с Меликовым меня поразило то, что за оправдательные приговоры ничего страшного судьям, по сути, не грозит. Если это, конечно, не дело Ходорковского. Их не увольняют, не штрафуют и даже не лишают премий. Ну вызовет к себе председатель райсуда, пожурит; в самом крайнем случае придется ехать «в город» давать объяснения (с недавних пор мы все знаем, что «городом» судьи называют здание Мосгорсуда). Неужели эти мелкие неприятности по работе стоят того, чтобы ломать невиновным людям судьбы? Чтобы понять это, нужно было отправиться туда, где вершатся суды и судьбы, — в Мосгорсуд. Выражаясь в категориях всегда уместного Кафки, выйти из «Процесса» и войти в «Замок».

С Анной Усачевой мы встретились через два дня после сенсационного интервью помощницы судьи Данилкина Натальи Васильевой. Кабинет хранил следы пронесшегося недавно вихря в виде разбросанных повсюду распечаток статей о скандале с Васильевой. На стене — фото мужа с ребенком. Анна любезно предлагает мне чай с

конфетами.

— Да все обошлось. Господи, ну сколько можно повторять: очередная пиар-акция накануне приговора по кассационной жалобе. Мы ожидали чего-то подобного. А Васильева с голоду не умрет, не волнуйтесь. Если что, правозащитники помогут. Кудешкина же не пропала, хотя ушла со скандалом (еще одна судья, лишенная статуса за критику главы Мосгорсуда Ольги Егоровой. — OS). Работает теперь экспертом защиты ЮКОСа. Каждый делает свой выбор.

Анна Усачева сделала свой выбор в 2004 году. Меликов называет ее «перебежчицей». Девушка работала тогда в газете «Газета» и писала острые материалы как раз на тему «обвинительного уклона» в московских судах. Тогда шла борьба Меликова и Ольги Кудешкиной с диктатом Егоровой, и журналистка активно поддерживала бунтарей. Как-то она брала интервью у Ольги Егоровой. Вошла в кабинет журналисткой, бичующей пороки судебной системы, а вышла — пресс-секретарем Мосгорсуда. Выбор, возможно, не для всех приемлемый, но, думаю, всем без исключения понятный.

Разговор про Зайку у нас не клеится. Я указываю на то, что в деле Зайки много противоречий, которые — по закону — должны трактоваться в пользу обвиняемого. Усачева вместо ответа зачитывает приговор:

— Что тут противоречивого? Все ясно как божий день. Я вот прочитала кассационное

определение — все понятно: «Покушение на открытое хищение чужого имущества, не доведенное до конца по не зависящим от него причинам».

Вина Зайки подтверждается комплексом доказательств начиная с показаний потерпевшего и свидетелей.

— Но потерпевший написал аж два заявления, в которых говорит, что под давлением милиции оговорил обвиняемого и что претензий к нему больше не имеет! А других непосредственных свидетелей грабежа нет!

— Суд принял решение, и оно вступило в законную силу. Прочтите его внимательно, там все указано.

Подробностей дела Зайки Анна Усачева уже не помнит. Зато много и обстоятельно рассуждает о моральном облике журналистов:

— Единственное, что могу сказать точно, — защищать себя надо правовыми методами, поскольку мы живем в правовом государстве. Никоим образом нельзя давить на суд, пользоваться тем, что у вас есть по долгу службы возможность внушать обществу свою точку зрения. Зрителю надо давать информацию с разных сторон.

— Олег Ясаков с удовольствием бы предоставлял информацию, если бы его пускали на

заседания суда...

— Я не вмешивалась в это дело, мне было интересно посмотреть, насколько пресс-секретарь райсуда способен самостоятельно решать подобные вопросы.

— Вы остались довольны этим пресс-секретарем?

— Насколько я знаю, непонимание у них со съемочной группой было обоюдным. Журналисты могли бы вести себя покорректнее. Ведущий телепрограммы звонил мне, провоцировал. Что я ему, мэр Химок? Я для его коллег сделала очень много. Мужчина должен быть мужчиной, а не истеричкой.

Когда мы уже перед прощанием курим у окна с видом на строительство очередного корпуса Мосгорсуда, раздается звонок. Анна отходит в сторону, но я все слышу:

— Здравствуйте, Виктор Николаевич! Ну, вы знаете, Виктор Николаевич, мы с вами уже говорили, нет у вас сейчас времени на комментарии, вам протоколы составлять надо к кассационной жалобе, так и скажите.

Закончив разговор, Усачева произносит в сердцах: «Бедный Данилочкин!» От переизбытка сочувствия она даже лишний уменьшительно-ласкательный суффикс к фамилии добавила. Выходит, работники Мосгорсуда все-таки способны на жалость.

На следующий день пресс-секретарь организовывает мне интервью с судьей Верой Белкиной. Честно говоря, я ожидал увидеть бездушную мегеру, а встретил скромную, даже немного стеснительную женщину тридцати с чем-то лет. Разговор получился малосодержательным. Я называл нестыковки в деле, Белкина спокойно отвечала, почему она приняла или не приняла те или иные доказательства к рассмотрению. Во вторых показаниях потерпевшего действительно есть фраза про «выхватил телефон», значит, попытка грабежа налицо. А третьи показания, в которых про телефон ничего нет, даны не в суде, значит, не являются процессуальным доказательством. Я спрашиваю, стоила ли эта заварушка с последующим примирением ее участников того, чтобы отправлять человека на год в тюрьму.

— Стоит ли того, чтобы на год отправлять? — Судья Белкина ненадолго задумывается. — Ну, вообще-то, для 161-й, части 1-й, я считаю, это довольно дерзкие действия. Да, драка, разбить чужую машину, выхватить чужой телефон…

— Но ведь и ему дали по носу, он не на ровном месте же…

— Ну, не на ровном месте, но я, конечно, не считаю, что так надо было себя вести.

У судьи Белкиной мне тоже первым делом предложили чай с конфетами. Добрая советская традиция всех бюджетных учреждений. Мое главное наблюдение от похода в «Замок» — там сидят самые обыкновенные люди. Это не милиция, где всё, вплоть до разводов на линолеуме, пропитано атмосферой морального разложения. И это не «гламурные куклы в погонах», как описывала сотрудниц прокуратуры журналистка Ольга Романова в своем знаменитом бутырском блоге, посвященном заказному делу против ее мужа-бизнесмена. Нет, это нормальные русские женщины, которые нас окружают во всех госучреждениях начиная с детского сада. Да и сама Ольга Егорова очаровательная дама, я слушал интервью с ней по «Эху Москвы», где она за

независимость судей ратовала. Простая, боевая и даже какая-то искренняя. Меньше всего она похожа на воплощение системного зла. А ведь им она, пожалуй, и является. Именно при Егоровой появился термин «басманное правосудие», символизирующий управляемость московских судов. Достаточно сказать, что Юрий Лужков и его жена до отставки не проиграли в московских судах ни одного из почти сотни судебных процессов. Но стоило «Батуриным» впасть в монаршью немилость, как они тут же стали проигрывать дело за делом. Вот и злополучный иск Батуриной к федеральному телеканалу не приняли. «Последние десять лет суды в Москве следуют не закону, а воле одного человека — председателя», — говорит Александр Меликов. Логично предположить, что воля председателя при этом подчиняется другим вышестоящим волям. Ни о каком правосудии в этой системе говорить не приходится. Какой еще Зайка, смеетесь? Тут серьезные люди замминистра финансов заказывают.

Банальность зла

Гораздо интереснее разобраться, что же заставляет милых женщин в мантиях во всем этом участвовать? И не только женщин. Возьмите Данилкина — все, кто знает его лично, говорят, что он нормальный судья, настолько, насколько можно быть в этой системе нормальным. Меликов считает, что причина проста — страх потерять теплое место. Но мне кажется, все интереснее. Страх потери работы вместе с ежеминутным осознанием творящегося беспредела приводил бы к нервным срывам и повышенному количеству суицидов среди работников Мосгорсуда, чего вроде бы не наблюдается. Ответ я нашел в книге американского философа Ханны Арендт «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Еврейка Арендт родилась в Германии в начале прошлого века, и превращение прежде вроде бы «нормальных» людей в винтиков нацистского режима происходило у нее на глазах. Исследованию этого феномена Арендт посвятила всю жизнь. Изучив на суде поведение нацистского преступника Эйхмана, Арендт пришла к выводу, что никакой он не злодей, а типичный приспособленец, заурядный карьерист с неплохими организаторскими способностями, которые в других обстоятельствах вполне можно было бы использовать в мирных целях. В своих действиях он руководствовался гиммлеровским девизом: «Честь — это преданность». И в этом смысле, отправляя вагонами евреев на смерть, он оставался в некотором роде порядочным человеком. Собственно, это умение большинства людей приспосабливаться к любым, даже самым чудовищным обстоятельствам Арендт и называла «банальностью зла». Когда ложь возведена в систему, она становится нормой. Поэтому люди, находящиеся внутри, не замечают абсурдности происходящего. Они продолжают пить чай с конфетами, писать эсэмэски детям и механически выполнять свою неблагодарную работу. Я представляю, с каким наслаждением окунулся в тепло домашнего уюта судья Данилкин, оттараторив в канун Нового года опостылевший приговор. Опорой фашистского режима Арендт считала старого доброго бюргера, готового на все ради своего маленького семейного счастья: «Обыватель — современный человек толпы, но рассмотренный не в мгновения экзальтации, среди возбужденной толпы, а под надежной — или в наши дни скорее под

ненадежной — защитой своих четырех стен. Он довел разрыв между личным и общественным, между профессией и семьей до того, что даже внутри себя уже не способен обнаружить связь меж тем и другим. Если профессия заставляет его убивать людей, то он не считает себя убийцей как раз потому, что делает это не из душевной склонности, а лишь в силу служебного долга. Сам-то он мухи не обидит».

Многим сравнение с Третьим рейхом покажется чрезмерным. Согласен: сейчас не идет война, нет концлагерей, и оппозиционеров не приговаривают к расстрелу за их взгляды. Тем не менее белкиных и данилкиных в стране не становится меньше. Множество людей по всей стране продолжают действовать «применительно к подлости», обслуживая прогнившую государственную машину. И пропасть между ними, жителями «замка», и нами, остальным населением, будет только расти в силу, скажем так, разнонаправленности интересов. При этом особенность нынешнего «замка» в том, что никто никого в нем насильно не держит. Как справедливо заметила пресс-секретарь Мосгорсуда, каждый делает свой выбор. С одной стороны — судья Данилкин. С другой — его помощница Васильева. И никаких «между», похоже, не осталось.